ЦИВИЛИЗАЦИОННЫЙ ВЫБОР. СТРАТЕГИЯ ФИЛОСОФСКОГО ОСМЫСЛЕНИЯ

Доминанта

НАЦИОНАЛИЗМ КАК ФАКТОР ФОРМИРОВАНИЯ И РАСПАДА ИМПЕРИЙ

Х.Э. МАРИНОСЯН

I

В современном мире сложилась такая ситуация, которая позволяет утверждать, не опасаясь преувеличения, что национализм, отражающий устремления наций (в социокультурном и гражданско-политическом понимании этого термина), представляет собой наиболее универсальное и распространенное явление, не сводимое лишь к его идеологической и социально-политической составляющим. Но даже в идеологической составляющей национализм не совсем корректно сравнивать с такими идеологическими течениями, как анархизм, либерализм, консерватизм, социал-демократия и многие другие. Дело в том, национализм не имеет собственной теории, каких-то общих постулатов, своих классиков и существует не как общественно-политическое течение, а как феномен, представленный в многочисленных идеальных и предметно-практических воплощениях и многообразии исторических форм. Учитывая это обстоятельство, вычленить хотя бы одно общепризнанное значение термина «национализм» и тем более построить одну единственную типологию национализма не представляется возможным.

Интересно отметить, что в настоящее время, как в отечественной, так и в зарубежной литературе сосуществует множество самых разных типологий национализма, выстроенных по самым разным основаниям. Соответственно им и созданным в их пределах интерпретациям национализм разделяют на «официальный» и «лингвистический», «мифологический» и «рациональный», «новый» и «старый», «микро- и макронационализм», национализм «гражданский» (территориальный, государственный) и «этнический», в свою очередь, подразделяемые на «экономический», «культурный» и «политический» национализмы, каждый из которых имеет свои градации в виде «инклюзивного» (возможного

для каждого гражданина вхождения в нацию) и «эксклюзивных» (этнических типов инкорпорации индивидов в «нацию») и т. д.[1]

Более того, количество заявленных в литературе интерпретаций и типологий неуклонно растет, но ни какая-либо из них, ни все они вместе взятые не в состоянии исчерпать реального многообразия «национализмов». Пожалуй, единственное, в чем сходится большинство исследователей, – это разделение национализма на два вида – государственный (гражданский) и этнический, – общим местом которых оказывается стремление к созданию своей «нации» и ее политического воплощения – «национального государства». «Нация – цель любого национализма, а национализм – средство формирования и экспансии наций» – пожалуй, именно эта максима образует краеугольный камень современного национализмоведения[2].

II

В разных регионах планеты (Европе, Азии, Америке, Африке) и в разное время национальные государства возникали разными путями и способами из разных социокультурно гетерогенных обществ. Но, независимо от этих отличий, общим для всех национальных полиэтнических государств было политическое объединение культурно и лингвистически разнородного населения в «нацию» – общность граждан, которая может быть устойчивой только в том случае, если, помимо политической воли и усилий государства, она скреплена общим (государственным) языком и общей, надэтнической, культурой. Осознание этого обстоятельства правящими элитами неизбежно порождало стремление последних к продуцированию и реализации через различные государственные институты (учреждения культуры, систему образования, средства массовой информации, армию и пр.) общенациональных программ гомогенизации этнически и, соответственно, культурно разнородного населения. Важно отметить, что при этом право народов (этносов) на различные формы самоопределения[3] ущемлялось не только в династийных или диктаторских империях, но и в демократически устроенных национальных государствах, которые также стремились сохранить себя за счет аккультурации или культурной ассимиляции своих этнически разнородных граждан.

Стремление к самосохранению, естественно, основополагающий принцип всех государств. «Вне зависимости от формы правления (демократической или самодержавной) и формы государственного устройства (унитарной или федеративной) государство как *системное целое* будет себя сохранять в этом качестве. Целост-

ность государства, противодействие его распаду будут достигаться любыми средствами и невзирая ни на какие «права» его территорий: будь то «штат» (как в США) или «республика» (как в современной России). Распад возможен лишь в результате военного поражения, социального катаклизма или военного и экономического ослабления метрополии, которая настолько обессилена, что вынуждена «благородно» предоставить независимость тем, кто ее требует»[4].

Таким образом, основой «государственного национализма» любого государства, стремящегося стать «национальным», является само государство – форма совместной жизни, характеризующаяся политической и правовой унификацией полиэтнического населения в качестве граждан, в которой уже заключен мощный потенциал многоликого национализма. Ведь *полноценная «нация»* как новая социокультурная общность может быть образована на основе языка и культуры *одного* («титульного») народа, которые, с точки зрения государства, должны стать общими для всех граждан независимо от их этнической принадлежности[5]. И уже только одно это создает объективное неравенство между «титульными» и не титульными этносами в составе полиэтнических государств (и государственных образований внутри федераций) и служит предпосылкой для государственного и этнического национализма, так как понятно, что для тех представителей политически и культурно не доминирующего этноса, которые не владеют (или плохо владеют) языком «межнационального общения» (т. е. языком доминирующего этноса) закрываются многие каналы социальных коммуникаций и мобильности: во власти, в бизнесе, науке, образовании, армии и многих других сферах. Они объективно вынуждены пребывать на «вторых ролях» в национальном государстве. И это неравенство, безусловно, провоцирует их на борьбу за получение доминантного статуса или хотя бы равного положения в государстве.

В контексте активизации этнического национализма в монархических и демократических колониальных империях (Испания, Португалия, Великобритания, Франция) и монархических внутренних империях (Россия, Австро-Венгрия, Турция), завершившейся к 1920 г. ослаблением или распадом большинства из них, следует иметь в виду одно очень важное обстоятельство. Помимо многовековой военно-политической и экономической конкуренции этих великих держав, воплотивших по меньшей мере два (западноевропейский и арабо-мусульманский) цивилизационно-культурных типа развития, одним из факторов их неустойчивости оказалась неравномерность экономического развития центра и периферийных территорий, вытекающее отсюда многоаспектное неравенство населения этих территорий и метрополии и выде-

ление из состава периферийных этнических элит особого интеллектуального слоя – интеллигенции, вырабатывающей и распространяющей сначала «идею нации», идеологию культурной эмансипации своего народа, а затем – программы политической борьбы за национальную независимость от этого государства и обретения собственного. При этом совершенно безразлично идет ли речь о действительном или воображаемом неравенстве: в любом случае требование экономического равенства (стимулирующее акцентуацию культурных различий даже там, где их нет – как между Англией и Северо-Американскими колониями), подкрепленное культурными аргументами, трансформируется в требование национальной независимости.

«После того как идея нации получает широкое распространение, возникновение национального государства, использующего язык и культуру доминирующего этноса, территория проживания которого превращается в политический центр, стимулирует оппозиционные национализмы. Оппозиционность питается как экономическим неравенством, так и угрозой местному культурно-символическому полю. В итоге экономический и культурный этнонационализм превращается в этнополитический, а иногда и в государственный. Если же политический национализм терпит неудачу в своих претензиях на независимость, он сохраняется в "превращенной форме" – в виде культурного. Этнический и государственный "национализмы" в полиэтнических государствах это две стороны одной националистической "медали" – они взаимообусловливают друг друга, постоянно рождая межэтническую напряженность и конфликты»[6]. История Австро-Венгерской, Османской и Российской империй подтвердила эту диалектику вполне убедительно.

Вплоть до начала Первой мировой войны многовекторная евро-атлантическая глобализация шла рука об руку с колониализмом сначала абсолютистских, а затем и национальных государств Западной Европы, промышленное, экономическое и военно-техническое развитие которых позволило им распространить свое присутствие в Америке, Азии и Африке. Уже ко второй половине XIX века не только народы Европы, но и большая часть человечества оказалась связанной международными рынками и торговыми сетями, системами соглашений и союзов между крупнейшими континентальными (Россия, Австро-Венгрия, Османская Порта) и межконтинентальными (Англия, Франция, Португалия и др.) колониальными империями. Мир оказался поделенным и одновременно интегрированным по нескольким направлениям.

К сожалению, мы здесь не можем подробно останавливаться на процессах распада империй в Европе XIX – начала XX столетий. Приведем лишь мнение Петера Альтера, который считает, что вся полоса государств от Финляндии на севере, через балтийские государства, Польшу, Чехословакию и до Румынии, Албании и Греции возникла в результате подъема национально-освободительных движений, питательной средой которых был сначала культурный, а затем и политический этнонационализм, требующий отделения от политического тела империи[7].

Аналогичные процессы происходили в демократических колониальных империях, одним из факторов нестабильности которых стал этнический национализм местных элит, заимствовавших идею «национального государства» из выстроенных в колониях метрополиями систем образовательных учреждений. В этих учреждениях (хотя и не только) формировалась немногочисленная «национальная интеллигенция», возглавившая вместе с местными элитами и натурализовавшимися сообществами завоевателей-колонистов национально-освободительные движения сначала в Латинской Америке, а затем и по всему миру.

Здесь хотелось бы обратить внимание еще на одно сущностное противоречие. Казалось бы, национализм и интеллигенция не совместимы уже в силу очевидной приверженности интеллигенции к общечеловеческим (а значит и наднациональным) ценностям. Между тем именно интеллигенция, невзирая на свой потенциальный космополитизм (который, кстати, некоторые исследователи считают ее отличительным признаком), как никто предрасположена к политическому и культурному национализму, сыгравшим в XVII – XX столетиях ключевую роль в формировании основных европейских наций, распаде империй и становлении национальных государств. В силу имманентных интеллигенции критического рационализма и социальной «маргинальности» исторически ее роль в деле национального обустройства народов и стран неоднозначна. С одной стороны, в качестве «образованного слоя» общества интеллигенция была одним из субъектов трансформации полиэтнических европейских монархий в национальные государства. А с другой, – будучи субъектом этнического национализма, она активно участвовала в разрушении всех полиэтнических империй и способствовала появлению на их обломках новых «национальных государств». Эта деструктивная и конструктивная в отношении государства роль интеллигенции определялась уже отмеченной ее социальной мобильностью, критическим потенциалом и свободомыслием, позволявшими ей служить либо своему

государству, либо своему народу. Но и в том и в другом случае интеллигент выступает как националист: строитель «нации» и «национального государства». В первом случае – как «государственный националист», который, находясь на службе у государства, участвует в формировании нации как лингвистически и культурно однородной гражданской общности посредством ассимиляции (в том числе и насильственной) лингвистически и культурно разных этносов в некое новое социокультурное целое – «нацию-государство». Во втором – как «этнический националист», сначала вырабатывающий и распространяющий «идею нации», идеологию культурной эмансипации своего народа, а затем программы политической борьбы за национальную независимость от этого государства и обретения собственного. История Европы, Америки, Азии и Африки подтвердила эту двойственность интеллигенции вполне убедительно[8].

После победы национально-освободительных движений сначала в Европе и Латинской Америке, а затем в Азии и Африке, ознаменовавших собой окончательный крах мировой колониальной системы, местные элиты и европеизированные интеллектуалы попытались построить аналоги европейских национальных государств на своих территориях. Но попытки сформировать нации на этноплеменной основе заведомо были неудачными, прежде всего из-за недостаточной вестернизированности подавляющей массы населения. Ведь с момента появления неевропейского неонационализма во второй половине XIX в. попытки систематической вестернизации империями многомиллионного населения колоний были постепенно оставлены, и национально-государственные империи развивались, не устраняя, а поддерживая социокультурные барьеры. Доминирующим средством вестернизации стала военно-политическая имперская экспансия «без интеграции», сопровождавшаяся ожесточенным соперничеством за территориальный, торговый, финансово-экономический и ресурсный передел мира между ведущими европейскими державами и США.

Соответственно усиливалась неравномерность темпов социального развития «первого», «второго» и «третьего» миров. Народы, еще находившиеся на пути к формированию национального государства, не смогли в полной мере воспользоваться преимуществами буржуазного развития и научно-технического прогресса. Политика государственного национализма этнических элит не увенчалась успехом. Но парадоксальным образом попытки осознанного политического конструирования «наций» на этноплеменной основе были возобновлены в постколониаль-

ный период – в 1960-е и последующие годы, главным образом в Африке, завершившись появлением на политической карте мира нескольких десятков псевдонациональных государств.

Возвращаясь в XIX столетие, отметим, что в то время и на рубеже веков борьба за территории и сферы влияния между ведущими имперскими государствами сопровождалась созданием *новой системы господства над* главными мировыми регионами, обеспеченной новыми телекоммуникационными и транспортными средствами (телеграф, азбука Морзе, трансатлантическая кабельная связь, новые паровые двигатели, автомобили, радио и т. д.) и инфраструктурами, которые к началу XX в. обеспечили действие новых форм и механизмов политического контроля. Параллельно с традиционными формами непосредственного административно-территориального контроля стали складываться относительно независимые от национальных государств транснациональные организации и многонациональные корпорации, обеспечившие новые режимы регуляции межконтинентальных экономических потоков и взаимодействий. Одновременно начал складываться *новый политический миропорядок,* опирающийся не только на правительственные, но и на региональные и всемирные организации (Международный телеграфный союз, Международная ассоциация железнодорожных путей сообщения, Всемирный почтовый союз и др.), взявшие на себя часть функций по регулированию взаимодействий в сфере промышленности, труда, банковского дела, мореплавания, права, транспорта и информации. К 1914 году, когда число таких организаций перевалило за тридцать, человечество оказалось уже так тесно связанным системами коммуникаций и миграционных потоков, международных соглашений и организаций, что многие исследователи и политики заговорили о «всемирном правительстве» и «Соединенных штатах Европы». Но эти планы были прерваны Первой мировой войной, ознаменовавшейся почти повсеместным всплеском национализма на заключительной фазе первой стадии и при переходе ко второй стадии глобализации человечества.

Отталкиваясь от сказанного, можно констатировать следующее. Начиная с XVI столетия мировая динамика осуществлялась в координатах «вызов Запада» – «ответ остального мира». «Вызов Запада» заключался не только в экспансионистском порыве европейских государств к колонизации, но и в самом факте его существования, в «необходимости реагировать на существование Запада путем изменений, ускорения собственного развития даже независимо от того, побуждает их к этому Запад или нет»[9].

С появлением «западного мира», первым осуществившим переход от традиционного общества к современному (с характерным для последнего быстрым ритмом жизни, доминированием инновации над традицией, выделенной персональностью, переходом от ценностной рациональности к целерациональности, от мировоззренческого знания к научному и т. д.), стало возможным *дискурсивно* противопоставлять западную «современность» в качестве горизонта развития всему остальному миру. «С появлением Запада человечество оказалось как бы в разных лодках, плывущих в одном направлении. Незападные страны не могли не ощутить своей отсталости, того, что направление движения задается Западом, одновременной привлекательности Запада и исходящей от него опасности для их традиционного существования»[10].

Тем самым, легитимизировав свой вызов в концепции прогресса, Запад предложил всему остальному миру общую линию развития к «современности», воплотившуюся в двух моделях модернизации: «вестернизации» и «догоняющей модели развития», – позволивших европейским колониальным империям распространить западноевропейский тип социально-экономического и политического развития по всему миру.

Но именно в этом и были подспудно заложены основные предпосылки для новых всплесков национализма в разных регионах мировой периферии.

III

Какую же роль сыграл национализм в социально-политических трансформациях царской России? Обсуждая этот вопрос, следует обратиться к анализу более общей проблемы: проблемы возможности формирования наций в пределах империй. В современной литературе она (как и проблемы сущности и типологии империй) не имеет общепринятого решения. Большинство исследователей считает, что нации в составе монархических империй не образуются, хотя национальные государства могут образовывать и образовывали колониальные империи[11]. С такой точкой зрения не согласен А.И. Миллер, полагающий, что империя есть экспансионистский проект строительства нации. А.И. Миллер пишет о двух типах образования национальных государств в связи с имперским строительством: вычленение национального государства из имперской окраины в ходе борьбы с империей, как в Польше, Чехии, и строительство имперской нации, как в Великобритании, Испании, Франции, где преодоление собственной гетерогенности и создание нации шли параллельно

с созданием империи: «Не было так, что британцы построили нацию, а потом построили себе империю. Напротив, проект строительства империи шел рука об руку с проектом строительства нации и во многом помогал этому строительству»[12]. Люди разной, хотя и близкой, этнической принадлежности, будучи гражданами формирующегося национального государства, сплачивались в борьбе с общими врагами своей империи и совместно извлекали выгоды из ее побед.

Мнение о том, что строительство империи может помочь строительству нации, а не противодействовать ему, в целом следует признать справедливым. Пример Испании в этом отношении весьма показателен. Она не была раздробленной как Италия или Германия, но процесс формирования единой нации там замедлился именно после крушения испанской колониальной империи. Отметим и то, что антиимперский тип образования национального государства сам в свою очередь стимулирует имперское национальное самосознание: у русских националистов не было лучших помощников, чем борцы за независимость Польши – вспомним, как легко создавали из них русские писатели и публицисты образ врага. Вместе с тем обострение конфронтационного национализма умерялось имперской властью, которая стремилась поддерживать свое единство точно так же, как любое национальное государство. Однако в России становление империи осложнялось наличием разнорасового, полиэтнического и многоконфессионального населения, которое никакими унифицирующими социокультурными мехнизмами нельзя было в полной мере интегрировать. В этой связи А.И. Миллер пишет о «двух ареалах» многонациональной империи, которые пульсируют, расширяются, но меньший – национальное ядро – не достигает большего – империи как целого.

Однако, дело не только в этом. Как показали Б. Андерсон, Дж. Бройи, Э. Геллнер, М. Манн, Г. Кон и многие другие исследователи национализма, идея нации возникает вместе с капитализмом, в эпоху перехода от традиционных обществ к обществам и государствам современного типа. В то время, как Западная Европа и США уже в XVIII столетии вступили в эпоху промышленной революции и индустриализма, Россия еще целое столетие жила в условиях крепостничества и «азиатского» способа производства, от которых она начала избавляться только во второй трети XIX в. Во времена Петра I Россия формально заимствовала у Европы лишь одно политическое изобретение – европейскую рационализированную «государственную машину»[13]. Но она не смогла позаимствовать у Европы «демократию» и «граждан-

ское общество». Поэтому российское государство было псевдоевропейским (неправовым) и иррациональным: в нем было много «чиновников», но не было политических свобод и «либеральных бюрократов», под определяющим влиянием и усилиями которых осуществлялось становление многих европейских наций[14].

Благодаря усилиям великих русских историков (Татищева, Карамзина и др.), славянофилов и великих русских поэтов, прежде всего А.С. Пушкина, в первой трети XIX в. в России возникает русский «лингвистический национализм», способствующий «натурализации» династии Романовых, которая, собственно, и привела к появлению российского «имперского национализма». Как отмечает Б. Андерсон, в России «цари правили сотнями этнических групп и множеством религиозных общин, а в своих собственных кругах говорили по-французски, что было знаком их цивилизованного отличия от подданных»[15]. Осознание Романовыми себя великороссами, явившееся ответом на лингвистические национализмы народов, населявших империю, привело, считает исследователь, к политике русификации. Аналогичным образом «Лондон пытался англизировать Ирландию (и добился заметных успехов), Германская империя пробовала онемечить свою часть Польши (с очень незначительным успехом), Французская империя навязывала французский итало-говорящей Корсике (частично добившись успеха)»[16]. Такие попытки удержания династической власти «над огромными многоязычными владениями, накопившимися еще со времен Средневековья», Б. Андерсон очень метко охарактеризовал как «натягивание маленькой, тесной кожи нации на гигантское тело империи»[17].

Однако российский государственный (имперский) национализм принципиально отличался от современного ему европейского национализма, который, по мнению Ю. Хабермаса, пытался связать национальную «более абстрактную форму общественной интеграции» с демократическими «структурами принятия политических решений»[18]. Взамен него в николаевской России была провозглашена доктрина «официальной народности», признававшая деспотию и рабство атрибутами православной России. «Да, – признавался Николай I, – деспотизм еще существует в России, ибо он составляет сущность моего правления, но он согласен с гением нации». Ему вторил министр образования граф Уваров, считавший лозунг «Православие. Самодержавие. Народность» «политической религией России»: «У политической религии, как и у веры в Бога, есть свои догматы. Для нас один из них крепостное право. Оно установлено твердо и нерушимо. Отменить его невозможно, да и ни к чему»[19].

Мало того. Стремясь сохранить полиэтническую империю, власть не только не создала продуманного «национального проекта», но и упустила тот момент, когда в 1840 – 1860 гг. на ее западных границах под определяющим влиянием польской интеллигенции стали реализовываться украинский, белорусский, литовский и другие периферийные «нацпроекты», заложившие основы будущих «наций»[20]. По мнению А.И. Миллера, именно из «соперничества русского национального проекта и польского национального проекта постепенно появляются украинский и, насколько он сформировался, белорусский проекты, а также литовский»[21]. Но это, на наш взгляд, несколько спорное утверждение в той его части, где речь идет о русском национальном проекте. Дело в том, повторюсь, что так называемый «русский национальный проект» так и не был отрефлексирован властью, конкретизирован в системе последовательных бюрократических действий по интеграции населения и возведен в ранг государственной национальной политики. Как и в других странах, идеологию российского государственного национализма разрабатывали интеллектуалы, существенные расхождения между которыми по вопросу «что делать?», отнюдь не способствовали делу национального строительства.

В России второй половины XIX – начала XX века национализм был рассмотрен в трудах Вл. Соловьева, Н.А. Бердяева, С.Н. Булгакова, С.Н. Трубецкого, Д.Д. Муретова, Л.А. Тихомирова, И.А. Ильина, Г.П. Федотова, П.Б. Струве, В.В. Розанова, А.С. Изгоева, П.И. Ковалевского, С.А. Котляревского, П.Н. Савицкого, Н.В. Устрялова, М.О. Меньшикова, С.М. Широкогорова, Г.Г. Шпета и многих других менее известных авторов. Пожалуй, единственное, что, невзирая на разницу философских, научных и политических позиций, объединяло этих мыслителей состояло в том, что они рассматривали национализм не в европейском контексте, а прежде всего как явление общественной жизни пореформенной России, фокусировали внимание на разнице между «национализмом» («украинским», «еврейским», «армянским», «финским» и т.д.) и «русским патриотизмом». Различия же состояли и в определении сути национализма, и роли в его осуществлении «государства» – имперской политической конструкции, способной, по мнению названных выше мыслителей, укрепить национальное единство России за счет выдвижения на первые роли в империи великорусского этноса.

Так, в частности, Николай Бердяев блестяще проанализировал антиномичность русского сознания и в его отношении к российскому государству[22], и в его отношении к национализму. По его

мнению, «Россия – самая не шовинистическая страна в мире. Национализм у нас производит впечатление чего-то нерусского, наносного... Русские почти стыдятся того, что они русские... Русскому народу совсем не свойствен агрессивный национализм... Национален в России именно ее сверхнационализм, ее свобода от национализма». В то же время «Россия самая националистическая страна в мире, страна невиданных эксцессов национализма, угнетения подвластных национальностей русификацией, страна национального бахвальства, страна, в которой все национализировано вплоть до вселенской церкви Христовой... Русское национальное самомнение всегда выражается в том, что Россия почитает себя не только самой христианской, но и единственно христианской страной в мире... Церковный национализм – характерное русское явление»[23].

Как верно заметил Бердяев, указанные противоположности присущи и другим странам, но только в России «тезис оборачивается антитезисом... рабство рождается из свободы, крайний национализм из сверхнационализма. Из этого безвыходного круга есть только один выход: раскрытие внутри самой России, в ее духовной глубине мужественного, личного, оформляющего начала, овладение собственной национальной стихией»[24]. Этому будет способствовать мессианское сознание, которое «не есть националистическое сознание; оно глубоко противоположно национализму».

Всякое смешение национализма с мессианизмом, всякое выдавание национализма за мессианизм, по Бердяеву, порождается темнотой сознания и несет в мир зло. В связи с этим он выделял два вида национализма: 1) национализм, дошедший в своих притязаниях до отрицания «других национальных душ и тел», до невозможности всякого положительного общения с ними и 2) национализм как положительное благо и ценность, как творческое утверждение, раскрытие и развитие индивидуального народного бытия[25].

Таким образом, Н.А. Бердяев, И.А. Ильин, Г.П. Федотов[26] и многие другие русские мыслители, не вдаваясь в проблемы типологии, в то же время на доступном им, прежде всего российском, материале, дали образцы философского анализа «национального сознания», последовательно противопоставляя его «национализму». Разумеется, позиции русских авторов в этом вопросе не были однотипными и с течением времени менялись. Поэтому у одного и того же автора можно встретить внутренние противоречия в трактовке национализма. Тот же Бердяев, который противопоставлял положительный национализм

и мессианизм, причем трактуя мессианизм как явление исключительно еврейское, «чуждое арийским народам»[27], отдавал дань мессианскому национализму, своего рода имперскому национализму, где имперская роль России понималась не как роль объединительная, но как возвеличивание именно русской нации имперскими средствами.

Такая противоречивость особенно характерна для работ периода Первой мировой войны. В это время Бердяев писал: «Бьет тот час мировой истории, когда славянская раса во главе с Россией призывается к определяющей роли в жизни человечества... Справедливость мировых задач России предопределена уже духовными силами истории. Эта миссия России выявляется в нынешнюю войну... Славянская раса идет на смену другим расам, уже сыгравшим свою роль, уже склоняющимся к упадку, это – раса будущего»[28]. Бердяев считал желанной «мировую борьбу славянской и германской рас», в ходе которой должен пробудиться «мужественный дух» России и обеспечить в ней национальное единство. Эти противоречия объясняются той трактовкой соотношения нации и государства, которую дает Бердяев. У него создание государства есть проявление здорового инстинкта нации, и потому государство должно быть государством именно этой нации, государством с национальным ядром. Но государства великих наций, у которых это ядро сильно, стремятся стать империями и осуществить «мировую миссию» по отношению к другим нациям[29]. Так возникает противоречие между европейским пониманием национализма и имперским, характерное не только для Бердяева, но и вообще для русской мысли второй половины XIX – начала XX веков. Сам Бердяев этого противоречия зафиксировать не мог в силу иррационального, мистического понимания им нации. Он пишет об «интимной тайне национального бытия», о том, что «нация есть мистический организм, таинственную жизнь которого мы постигаем в собственной глубине» и т. п.[30].

Между тем вопрос о природе Российской империи и соотношении в ней имперского и национального был центральным для судеб России. Русские мыслители, желая видеть Россию великой, легко попадали в ловушку националистического понимания империи. И власть выдавала им своего рода социальный заказ на именно такое понимание, подрывавшее в действительности сами основы имперской политики. Как показывают исследования многочисленных империй Древности и Средневековья, империя по определению не может культивировать национализм, это самоубийственно для нее. Имперскую идею должна отличать

универсальность, обеспечивающая поле для культурной интеграции разных народов[31].

Однако многие русские мыслители, в особенности правого толка (В.В. Розанов, М.О. Меньшиков и др.), видели перспективу развития России именно в моноэтничности, подавлении прочих народов имперскими средствами. Как писал В.В. Розанов, «русская империя есть живое царствование русского племени, постоянное одоление нерусских элементов, постоянное и непрерывное подчинение себе национальностей, враждебных нам»[32]. В этом уже заключался взрывоопасный парадокс, внутренне подрывающий имперскость России. Но более удивительным было другое противоречие. Чтобы осуществлять мононациональное строительство вовне, нужно вначале успешно решить проблему национального строительства внутри и из самого русского народа. А к ее решению, как ни странно, никогда даже не приступали. И это «слабое звено» российской империи оказалось не только не замеченным российскими мыслителями, но, напротив, было ими мистифицировано.

Последнее обстоятельство, по словам В.К. Кантора, привело к тому, что в России «вместо реального национализма возник миф о нации». Исходной причиной этого было то, что «империя строилась помимо народа»[33]. Народ оставался «великим немым», и власть чем дальше, тем больше парализовала всякие стремления народа к получению образования и возможности высказать собственную позицию. В результате все идейные группы привилегированного общества вкладывали в немые уста, т.е. в предполагаемую «народную душу», удобное себе содержание: и теоретики официальной народности, и славянофильские и неославянофильские авторы, и революционные народники. Народники создавали миф о народе-социалисте, официальные публицисты – о народе-монархисте, а Бердяев с удивительной наивностью писал о будущих грабителях барских усадеб: «В русском народе поистине есть свобода духа, которая дается лишь тому, кто не слишком поглощен жаждой земной прибыли и земного благоустройства»[34]. Не были исключением и западники-либералы. П.Б. Струве, например, полагал, что национальная идея России есть примирение и органическое срастание власти и народа на почве укрепления империи и ее национального ядра[35]. Но, как верно замечает В.К. Кантор, ничто не указывало на то, что народ «за» строительство великой имперской России. Можно согласиться с В.К. Кантором в том, что «народ, находящийся в рабстве, не может стать ядром победоносной, «головной» нации. Народ сам себя разделял на “псковских”, “калужских”,

"тутошних". Идея национализма должна была бы изнутри объединить разъединенный народ. Но национализм требует преодоления местной ограниченности, а для этого – образованности»[36]. Но это как раз и не было сделано.

Надо заметить, что в собственно идеологическом контексте государственный национализм в России был довольно противоречивым, а в своих предметно-практических воплощениях – крайне непоследовательным. Цепляясь за имперский принцип госстроительства и будучи по существу даже не классической империей (с характерным для нее космополитизмом: civis Romanus – гражданин всего культурного мира), а деспотией, Россия, так и не смогла стать европейским унитарным государством, способным организовать общее политическое и культурное пространство для равноправной жизни своих народов. Разделяя своих подданных на «великороссов» и «инородцев», не отделив православие от государства, она так и не создала светской системы обязательного начального образования на русском языке на всей территории империи. Наоборот. Первоначально создав сеть так называемых русско-«инородческих» школ, в основу которых легла педагогическая система Н.И. Ильминского (1828 – 1891), царское правительство, не желая повышения образованности формирующейся «национальной интеллигенции» в анклавах за счет русской культуры, затем спешно «отыграло назад» и стало бороться с введением светских предметов в программы конфессиональных школ. В 1886 году Н.И. Ильминский писал министру просвещения России: «Рекомендуемое и даже навязываемое нами татарам русское образование весьма ловко обращается ими против наших... патриотических упований». Там же далее Ильминский емко выразил свои опасения по поводу развития культуры и пробуждения национального самосознания татарского народа в одной фразе: «Фанатик без русского образования и языка сравнительно лучше, чем по-русски цивилизованный татарин, а еще хуже аристократ, а еще хуже человек университетского образования»[37].

Так что слухи о повсеместной насильственной русификации инородцев в царской России были большим преувеличением. Отсутствие четкой программы действий, делало имперский национализм довольно «размытым» и непредсказуемым предприятием, хотя национальная политика государства, будучи разной в отношении разных народов[38], в целом эволюционировала от мягких ко все более жестким методам ассимиляции «инородцев», закономерно порождая не только массовое сопротивление, но и политический этнонационализм, получивший

в начале XX в. содержательное и институциональное выражение в программах и деятельности национальных партий России. Не опасаясь преувеличений, можно считать: политические, социально-экономические и культурные формы государственного и этнического национализма, взаимно обусловливая и порождая друг друга, оказали существенное трансформирующее влияние на изменение социальной и политической обстановки в России и в значительной мере способствовали дезинтеграции Российской империи.

К началу Первой мировой войны царская Россия не была интегрирована ни экономически, ни культурно, ни конфессионально. Ее многочисленные народы, включая русских, не охваченные общей системой образования, продолжали «жить на особицу». А интеллигенция составила политическую оппозицию монархии и, вырабатывая и распространяя идеологию этнокультурного и политического национализма, возглавила борьбу за культурное и политическое «самоопределение» народов империи. Накануне Октябрьской революции в России существовало 6 откровенно националистических партий (Казахская партия Алаш, Грузинская национально-демократическая партия, Литовская демократическая партия и др.), а все остальные, включая кадетов и большевиков, так или иначе поддерживали лозунг «самоопределения наций»[39]. В итоге Российская империя, так и не ставшая национальным государством, распалась.

***

Таким образом, государственный и этнический национализмы в полиэтнических государствах, как правило, преследуют две диаметрально противоположные цели – укрепления общегосударственного межэтнического сплочения и выхода из «общего дома» и создания отдельного национального государства соответственно. Правда, не всегда они оказываются достижимыми. Но всегда эти национализмы проявляют себя в болезненном противостоянии: с одной стороны, политики реализации гражданско-государстсвенной целостности, стремящейся скрепить все этносы и народности в единый государственный организм, и, с другой стороны, якобы национального волеизъявления, в итоге раздирающего даже огромные государства и целые империи на несопоставимые по потенциальным возможностям мелкие государства – в надежде суверенные, национальные, но в действительности, увы, как правило, квазисуверенные и псевдонациональные.

ПРИМЕЧАНИЯ

[1] Подробнее см.: *Сидорина Т.Ю., Полянников Т.Л.* Национализм: теории и политическая история. – М., 2006.

[2] Подробнее о «национализмоведении» см.: *Малахов В.С.* Национализм как политическая идеология. – М.: КДУ, 2005. – С. 26.

[3] Самоопределение народов и наций может быть реализовано, как минимум, в четырех вариантах: 1) *отделение* от полиэтнического государства и создание собственного «национального государства», 2) выход из состава одного государства и *присоединение к другому государству*, где проживает большинство (или значительное число) представителей данной нации (этноса), 3) *самоопределение в качестве самостоятельного субъекта* в составе национального государства (федерации или конфедерации), в той или иной мере наделенного суверенными (не суверенными) правами и атрибутами государственности (собственная территория, законодательство, органы власти и т. д.) и, наконец, 4) *самоопределение в виде «национально-культурной» автономии* в составе многонационального унитарного или федеративного государства. Подробнее см.: *Аринин А.Н., Марченко Г.В.* Уроки и проблемы становления российского федерализма. – М.: Эйдос, 1999.

[4] *Гранин Ю.Д.* США – последняя либеральная империя // Политический класс. 2009, май. № 5 (53). – С. 92 – 93. В качестве примера, иллюстрирующего данное положение, можно сослаться на политический опыт Северо-Американских Штатов, где, невзирая на то, что в 1861 г. на референдуме 13 штатов высказались за отделение от американской Федерации, президент Авраам Линкольн отдал приказ о начале военных действий против мятежного Юга, нарушив и Конституцию, и законы США.

[5] Не случайно поэтому специалисты полагают, что, например, «канадцы», «бельгийцы», «швейцарцы» и другие общности в государствах, где сосуществуют несколько государственных языков, собственно нациями не являются.

[6] *Альтерматт У.* Этнонационализм в Европе. – М.: РГГУ, 2000. – С. 132.

[7] *Альтер П.* Этапы образования государств в Европе // Этнос и политика. Хрестоматия. – М.: УРАО, 2000. – С. 155 – 157.

[8] Подробнее см.: *Гранин Ю.Д.* Интеллигенция и национализм // Вестник Российской Академии наук. Т. 80. № 2, февраль. 2010. – С. 147 – 154.

[9] *Федотова В.Г., Колпаков В.А., Федотова Н.Н.* Глобальный капитализм: три великие трансформации. Социально-философский анализ взаимоотношений экономики и общества. – М., 2008. – С. 92.

[10] Там же. – С. 96.

[11] См.: *Яковенко И.Г.* Российское государство: национальные интересы, границы, перспективы. – М., 2008; *Янов А.Л.* Патриотизм и национализм в России. 1825 – 1921. – М., 2002.

[12] *Миллер А.И.* Национализм и империя. – М., 2005. – С. 13.

[13] Как показал еще Макс Вебер, рационализация государства выразилась в его «бюрократизации», результатом которой было впечатляющее преобразование методов организации военной и административной «машин» и контроля над их действиями. Способность концентрировать экономические и политические ресурсы посредством относительно стройной военной и административной государственной машины с ее обученной интеллигенцией далеко превосходила воз-

можности и эффективность других государств, включая самые мощные империи – Османскую, Монгольскую и Китайскую. Только те империи, которые переняли западную модель государственного устройства, как это частично сделала послепетровская империя Романовых, впоследствии смогли выжить, сохранить и даже приумножить свои территории.

[14] По справедливому замечанию В.К. Кантора, «Петр Первый попытался переделать систему управления на европейский лад, бюрократизировать ее. Однако "птенцы гнезда Петрова" были кто угодно, но никак не бюрократы. Система личных распоряжений и указов осталась в силе. Только при Александре I М.М. Сперанский пытается хоть как-то упорядочить российское законодательство, при этом дав пример честного бюрократического служения. Но этого "русского реформатора" решительно и быстро вытесняет граф А.А. Аракчеев, "фрунтовый солдат", по слову Пушкина, в гербе своем носивший девиз "без лести предан". В этой фразе полное отрицание какой-либо законности. Бюрократизация в очередной раз сорвалась, вместо нее установилась аракчеевщина» (*Кантор В.* О необходимости у нас бюрократии // Свободная мысль. 1996. № 12. – С. 82).

[15] *Андерсон Б.* Западный национализм и восточный национализм: есть ли между ними разница? – 2001 – (http://old.russ.ru/politics/20011219-and. html).

[16] Там же.

[17] *Андерсон Б.* Воображаемые сообщества. Размышления об истоках и распространении национализма. – М., 2001. – С. 108.

[18] *Хабермас Ю.* Вовлечение другого. Очерки политической теории. – СПб., 2001. – С. 267.

[19] *Лемке М.* Николаевские жандармы и литература. 1826 – 1855. – СПб., 1918. – С. 42.

[20] Подробнее об этом см.: *Гранин Ю.Д.* Интеллигенция и национализм

[21] *Миллер А.И.* Национализм и империя. – С. 24.

[22] С одной стороны, писал Бердяев, «Россия – самая безгосударственная, самая анархическая страна в мире. И русский народ – самый аполитический народ, никогда не умевший устраивать свою землю». А с другой стороны, «Россия – самая государственная и самая бюрократическая страна в мире; все в России превращается в орудие политики. Русский народ создал могущественнейшее в мире государство, величайшую империю… Силы народа, о котором не без основания думают, что он устремлен к внутренней жизни, отдаются колоссу государственности, превращающего все в свое оружие. Интересы созидания, поддержания и охранения огромного государства занимают совершенно исключительное и подавляющее место в русской истории» (*Бердяев Н.А.* Душа России // Русская идея. – М., 1992. – С. 298, 299).

[23] *Бердяев Н.А.* Душа России. – С. 300, 301.

[24] Там же. – С. 306.

[25] См.: *Бердяев Н.А.* Судьба России. – М., 1990. – С. 102 – 104.

[26] См., например: *Ильин И.А.* О России. – М.: Студия «Тритэ», 1991; *Ильин И.А.* О русской идее // Русская идея. – М.: Республика, 1992. – С. 436 – 443; *Ильин И.А.* О русском национализме // *Ильин И.А.* Наши задачи. Историческая судьба и будущее России. Статьи 1948 – 1954 годов. В 2 т. Т. 1. –

М., 1992. – С. 279 – 283; *Федотов Г.П.* Судьба и грехи России. В 2 т. – СПб.: София, 1991.

[27] *Бердяев Н.А.* Философия неравенства. – М., 1990. – С. 104.

[28] Там же. – С. 10, 16, 27.

[29] См. там же. – С. 103.

[30] Там же. – С. 91, 101.

[31] Подробнее см.: *Яковенко И.Г.* Российское государство: национальные интересы, границы, перспективы – М.: Новый хронограф, 2008. – С. 176 – 201; *Янов А.Л.* Патриотизм и национализм в России. 1825 – 1921. – М., 2005 и др.

[32] Империя и нация в русской мысли начала XX века. – М., 2004. – С. 67.

[33] *Кантор В.К.* Империя и нация в русской мысли начала XX века // Вопросы философии. 2006. №4. – С. 187, 186.

[34] *Бердяев Н.А.* Судьба России. – М., 1990. – С. 19.

[35] Империя и нация в русской мысли начала XX века. – С. 218, 234.

[36] *Кантор В.* Санкт-Петербург: Российская империя против российского хаоса. К проблеме имперского сознания в России. – М., 2008. – С. 503.

[37] *Сафиуллина Р.Р.* Инструмент полицейско-охранительной политики? // Звезда Поволжья. 2004. № 43. – С. 4.

[38] Жесткой в отношении поляков и евреев и мягкой в отношении прибалтийских народов и Финляндии – последняя, как известно, имела даже свою Конституцию.

[39] Подробнее см.: Программы политических партий России. Конец XIX – начало XX веков. – М.: Наука, 1995.

Аннотация

В статье рассматривается взаимообусловленность различных видов национализма, сводимых в конечном итоге к двум принципиально разным по своей сути и диаметрально противоположным по направленности – государственному национализму и этнонационализму, преобладание одного из которых, чаще всего, способствует либо формированию единого национального государства, либо возникновению относительно мелких, не всегда полноценных в выражении своего суверенитета, псевдонациональных государств соответственно.

Ключевые слова: национализмоведение, государственный национализм, этнонационализм, империя, глобализация, самодержавие, народность, патриотизм, псевдонациональное государство.

Summary

The article considers the interdependence of different types of nationalism, which may be finally reduced to two diametrical opposites fundamentally different in essence: civic nationalism and ethnic nationalism. The predominance of one of them leads to the formation of an integrated nation-state or to the emergence of relatively small, not fully sovereign, pseudo-nation-states, respectively.

Keywords: nationalism studies, civic nationalism, ethnic nationalism, empire, globalisation, autocratic monarchy, nationality, patriotism, pseudo-nation-state.